

Р. М. Самарин

О современном состоянии сравнительного изучения литератур в зарубежной науке

I.

Обширнейший круг вопросов, охватывающий различные формы международных литературных отношений, а также сравнительное изучение литературных явлений, определяется в литературоведении капиталистических стран и в научном обиходе некоторых стран народной демократии термином «компаративистика».

При этом наряду с краткой формой термина — «компаративизм», «компаратизм» («comparativisme», «comparatisme») — сохраняются и традиционные расширенные термины — «littérature comparée», «vergleichende Literaturgeschichte», «comparative literature», «letteratura comparata». Под этими терминами до сих пор подразумеваются две по существу различные, хотя и связанные области литературоведения: изучение различных форм международных литературных отношений и сравнительное изучение развития литературного процесса как синхроническое (например, изучение различных национальных форм романтизма в литературах XIX века), так и диахроническое (например, изучение литературного процесса античности и европейского литературного процесса новой эры, ведшееся под углом нахождения общих закономерностей в них). Хотя и раньше, и особенно в последние годы, многие зарубежные ученые настаивают на резком разделении этих двух областей, отдавая последнюю область так называемому «общему литературоведению», однако и в наши дни понятие «компаративизма» нередко обнимает оба круга вопросов. Это объясняется тем, что в буржуазном литературоведении явления, сходные в различных литературах и порожденные сходными социально-культурными условиями, объяснялись обычно только как следствие влияния одной литературы на другую или даже личными контактами отдельных писателей. Подобная подмена подхода конкретно-исторического и теоретического мелкой фактографией, субъективистскими параллелями и построениями была и остается характерной для подавляющего большинства компаративистских работ за рубежом и для старых работ русских компаративистов XIX—XX вв.

Советские ученые в своих работах по истории и теории литературы стремятся к широкому, комплексному охвату литературных фактов, раскрывают плодотворность международных литературных взаимосвязей, не забывая о сложности и разнообразии форм, в которых они осу-

ществлялись и осуществляются. Решая важные вопросы истории мировой литературы в целом и в их различных национальных аспектах — например, вопросы генезиса и истории литературных направлений (классицизма, романтизма, критического реализма, социалистического реализма), советские ученые опираются на опыт различных литератур мира, прибегают к сравнению между ними, соблюдая при этом принцип конкретно-исторического подхода к каждой из них.

Однако, изучая различные формы международных литературных отношений и сравнивая различные литературы, советские ученые опираются на общие принципы марксистско-ленинской методологии, применяемые к изучению общественных наук, и не считают, что данная область литературоведения предполагает некую особую и только в ней применимую методологию. Изучение международных литературных отношений, сравнительное изучение литератур мира — только часть всей науки о литературе, помогающая выяснению общих закономерностей развития литературного процесса.

Советские ученые и советская научная общественность не раз выступали против различных ошибочных положений, выдвигаемых и защищаемых компаративистами применительно к важнейшим вопросам истории литературы и прежде всего — к вопросам национальной специфики той или иной литературы. При этом, если критика советских ученых и затрагивала зарубежную компаративистику, то, за редким исключением, она не касалась современных компаративистских работ. В ответ на эту критику общих положений компаративизма и его отдельных проявлений зарубежные компаративисты неоднократно откликались резкими и необъективными выступлениями, носившими прежде всего политический, а не научный характер. Эти по существу антисоветские выступления компаративистов из капиталистических стран не вызвали своевременного отпора. Некоторые события современной научной и политической жизни — IV Международный съезд славистов, Ташкентская конференция — показали, насколько актуальной и острой является проблематика, связанная с вопросами международных литературных отношений, влияний, воздействий и т. п., и насколько именно в этой области важна руководящая роль марксистско-ленинского литературоведения, до сих пор мало занимавшегося этими вопросами.

В условиях бурного развития литературы в странах социалистического лагеря, в условиях рождения и возрождения литератур в странах, освобождающихся от колониального рабства, проблемы международных литературных отношений, различные политические и культурные аспекты этого круга вопросов становятся необыкновенно важными. Нередко зарубежные ученые — компаративисты, участвующие в различных международных организациях, оказывающих серьезное идеологическое влияние, пытаются воздействовать на этот сложный литературный процесс современности, пуская в ход сомнительные и просто порочные идеи.

Можно сказать, что в ряде случаев правящие круги стран, потерявших колонии или борющихся за них, используют сейчас некоторые идеи компаративизма и для сохранения идеологического воздействия на народы, освободившиеся или освобождающиеся от колониальной зависимости.

Наконец, практическое значение различных аспектов международных литературных отношений и научных вопросов, связанных с ними, определяется в наши дни наличием и развитием многонациональных литератур — многонациональной советской литературы, имеющей плодотворный опыт многолетней истории, многонациональной китайской литературы, многонациональной литературы Индии. В силу этих обстоятельств вопросы сравнительного изучения литератур, как и вопросы международных литературных отношений, приобретают особую жизненную актуальность. Тем существеннее проанализировать и оценить современное положение этой области науки за рубежом.

Так как в течение XX в. сравнительное изучение литературы под различными названиями и в различных формах велось и ведется весьма интенсивно почти во всех странах мира, обладающих достаточной филологической культурой, то в пределах одного доклада, естественно, нельзя полностью охватить этот огромный раздел науки о литературе. Цель доклада — проанализировать некоторые особенности сравнительного изучения литературы в странах капиталистического лагеря, где эта область литературоведения за последние годы особенно развилась.

II.

Сравнительное литературоведение в капиталистических странах — так называемый компаративизм или компаратизм, как его все чаще называют в последние годы, подчеркивая иногда этим определением и некоторое различие между старым компаративизмом и его современными продолжателями, — одно из значительных и наиболее сложных явлений современной филологической науки в странах капитализма. В этой области филологии резко отразились сложные идеологические процессы, происходящие в среде современной буржуазной интеллигенции. Располагающие рядом серьезных международных организаций и среди них прежде всего — Международным обществом литературоведов-компаративистов, компаративисты имеют несколько национальных организационных и научных центров, большую периодику, интенсивно готовят научные кадры по своей специальности, проводят систематические научные съезды. Последние из них — конгресс 1955 г. в Венеции, где было учреждено упомянутое выше Международное общество литературоведов-компаративистов, и конгресс в сентябре 1958 г. в США.

Современные компаративисты, выделяя свою науку из общего понятия филологии, конструируют ее историю, начиная со второй половины XIX в. (к этому склонялся покойный Ф. Бальдансперже), а кое-кто даже начиная с просветителей XVIII в. — связывая идейный смысл

своих исследований с идеей мирового гражданства в том ее виде, в котором она сложилась у мыслителей XVIII столетия.

Несомненно, у сравнительного изучения литературы есть своя история. Видимо, вернее всего начинать ее с работ Гердера. Уже в первой трети XIX в. в этой новой области международной науки о литературе складываются различные концепции. Говоря в самых общих чертах, можно утверждать, что в одном случае сравнительное изучение различных литератур ведет уже тогда к прогрессивному представлению о мировой литературе, как об исторической категории, постепенно возникающей из множества национальных литератур, вступающих во все более тесное общение и взаимно обогащающих друг друга. В ином случае более или менее субъективные сравнения и сопоставления подводят к безосновательному предпочтению, оказываемому одной литературе перед другими, к выдвижению ее на особое место, в ущерб объективно-исторической оценке своеобразия и значения других литератур, а в дальнейшем — в некоторых трудах середины и второй половины XIX в. — к подмене исторического исследования отвлеченными формалистическими построениями. В середине и второй половине XIX в. сравнительное литературоведение развивается в сложных взаимоотношениях с литературоведением культурно-исторической школы, с которым его многое связывает и от которого, вместе с тем, некоторые компаративисты (Познетт, например) резко отграничивают свой метод исследования, считая себя более теоретиками, чем историками. Книгу Х. М. Познетта «Сравнительное литературоведение»¹ многие литературоведы считают первым официальным заявлением о существовании компаративизма как особой ветви литературоведения, своего рода манифестом.

Вернее рассматривать ее в связи с другими явлениями подобного рода — в связи с эволюцией французского литературоведа Брюнетьера, очень близкого к некоторым положениям Познетта, в связи с многолетней работой немецкого ученого М. Коха, возглавившего с 1885 года созданный им журнал сравнительного изучения истории литературы («*Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte*»).

Отдавая должное широте труда Познетта (в нем использованы факты из истории словесности Запада и Востока от индийского эпоса до литературы конца XIX века), но и учитывая значение трудов других ученых, перечисленных выше, мы увидим, что компаративизм как особое направление филологической науки быстро развивался в 80—90-х гг.

В 1887 г. швейцарский ученый Э. Род читает в Женеве курс, являющийся опытом построения истории литературы в духе компаративистской методологии (правда, более близкий к общему литературоведению, чем книга Познетта). В 1890 г. немецкий шекспировед В. Вец выступает с капитальной монографией «Шекспир с точки зрения сравнительного изучения литературы»². В 1895 году швейцарский филолог

¹ H. M. Posnett, *Comparative literature*. London, 1886.

² W. Wetz, *Shakespeare vom Standpunkte der vergleichenden Literaturgeschichte*. Worms, 1890.

Л. Бец своей работой «Гейне во Франции»³ кладет начало исследованиям подобного рода, столь характерным для компаративизма. В том же году Ж. Текст публикует свой труд «Ж. Ж. Руссо и истоки литературного космополитизма»⁴, в котором намечается присущая определенному течению компаративизма политическая ориентация на некое «европейское гражданство», будто бы утверждаемое средствами литературных связей — в данном случае литературными связями Руссо.

На рубеже XIX—XX вв. Бец и Бальдансперже начинают работу над составлением систематической компаративистской библиографии, труд над которой — собирание и классификация — продолжается до сих пор.

В течение всего этого времени журнал М. Коха был центром не только немецкого, но — шире — и международного компаративизма. Только после первой мировой войны, в 1921 году, роль ведущего периодического издания компаративистов перешла к «Обзору сравнительного литературоведения», основанному Ф. Бальдансперже и П. Азаром.

Следует отметить связи, существовавшие между компаративизмом и развитием позитивизма. В пору широкой популярности этого философского течения многие литературоведы — например, Брюнетьер и Познетт, как и их немецкие коллеги (Кох), видели в сравнительном изучении литературы и памятников народного творчества различных времен и народов основу для нахождения общих законов литературного развития, как некоей параллели к тем законам развития природы и общества, которые пытались установить ученые-позитивисты. Конечно, компаратисты позитивистского толка переносили в свои исследования характерные гносеологические пороки позитивизма. Но все же компаративизм 80—90-х гг. отмечен стремлением к постановке крупных проблем, к изучению важных вопросов истории литературы.

В начале XX века в компаративистику, как и в другие области литературоведения, стали просачиваться влияния других идеалистических теорий — неогегельянства с его резко выраженным схематизмом (это сказывалось в работах немецких компаративистов, использованных затем частично в книге О. Шпенглера «Закат Европы» для его реакционных культурно-исторических построений). Иной раз компаративистские исследования начала XX века доказывали не столько наличие и возможность связей между литературами, сколько невозможность взаимопонимания между различными национальностями или целыми группами национальностей.

Решению серьезных вопросов, которые ставили перед собою компаративисты, мешал идеалистический взгляд на литературу, отсутствие конкретно-исторического подхода к ее изучению. Этот основной порок компаративистской методологии и тогда, и позже проявлялся в различных формах. Наиболее характерной из них было ложное понимание ли-

³ L. P. Betz, Heine in Frankreich. Zürich, 1895.

⁴ J. Texte, Jean Jacques Rousseau et les origines du cosmopolitisme litteraire. Paris, 1895.

тературного влияния как первичного и самостоятельного фактора литературного развития, якобы определяющего не только особенности того или иного писателя, но и появление целых литературных направлений. Увлекаясь изучением «влияний» одной литературы на другую, компаративисты пренебрегали национальной спецификой данной литературы, не замечали тех условий в истории данной страны, которые на самом деле определяли и ее литературное развитие в целом, и возможность восприятия ею того или иного «влияния». В дальнейшем — в 40-х и 50-х гг. XX века — именно эта характерная черта компаративизма была широко использована для целей политической пропаганды, грубо противопоставлявшей так называемый «Западный мир» лагерю стран социализма. Конечно, ничего общего с наукой о литературе эта пропаганда не имела и нельзя делать за нее ответственным честных зарубежных ученых, стоявших в стороне от подлых манипуляций.

1920—1930-е годы — период заметной активизации компаративизма. Он отмечен влиянием журнала «Обозрение сравнительного литературоведения»⁵ и других изданий, близких к нему по кругу интересов (например, «Публикация Ассоциации новых языков»⁶ в США). Компаративизм становится заметным международным явлением литературно-общественного порядка. В эти годы признанные руководители компаративизма — П. Ван Тигем, Ф. Бальдансперже, Н. Йорга и др. стремятся к укреплению некоего европейского культурного содружества, понимаемого в духе верности буржуазно-демократическим политическим и этическим концепциям, в духе пресловутой теории «европейского единства». Ученые-компаративисты нередко принимали официальное участие в политической жизни своих стран, чаще всего будучи связаны с кругами националистически настроенной буржуазной интеллигенции (как Ф. Бальдансперже или Н. Йорга). В больших программных работах компаративистов 20—30-х годов, например, в книге П. Ван Тигема «Хронологический репертуар новых литератур»⁷ игнорируются литературы Америки и Востока. Ведущие деятели компаративизма в те годы не скрывают своего недружелюбного отношения к СССР и марксизму. Ф. Бальдансперже, признанный международный лидер компаративизма, писал в своей книге «Жизнь среди людей» (1935), в которой ясно высказаны его политические взгляды, о «большевистской опасности», которую он ставил в один ряд с «опасностью бошизма», т. е. немецкого фашизма⁸. Знаменательно, что книга эта была переиздана накануне разгрома и падения III республики.

Отметим, что в годы нацизма в Германии немецкая компаративистика переживает заметный упадок: она не в чести у официальной науки

⁵ „Revue de littérature comparée“.

⁶ PMLA.

⁷ P. Van Tieghem, Répertoire chronologique des littératures modernes. Paris, 1935.

⁸ F. Baldensperger, Une vie parmi d'autres. Paris, 1940, p. 365.

третьего рейха с ее нацистской доктриной. После поражения Франции журнал «Обозрение сравнительного литературоведения» временно закрывается.

После окончания Второй мировой войны деятельность компаративистов заметно усилилась. Сложившаяся еще накануне войны японская компаративистика заявила о себе рядом работ и заметным влиянием на другие аспекты изучения зарубежных литератур в Японии. Так, например, журнал японских германистов «Доитсу Бунгаку» находится под заметным воздействием японской компаративистики, в которой, в свою очередь, чувствуется зависимость от доктрин немецкого и американского компаративизма. Активизировалась деятельность компаративистов в Испании и особенно в Италии, где нельзя не отметить работ Пеллегрини. Некоторые компаративистские круги зачисляются в лагерь компаративистов даже Б. Кроче. Восстановили и расширили свою деятельность и компаративисты в ФРГ, группирующиеся вокруг Тюбингена и возглавленные К. Вайсом. Большую роль в международных мероприятиях компаративистов играли и играют швейцарские литературоведы, рассматривающие свою страну как природный очаг компаративизма в силу того, что в Швейцарии издавна не только перекрещивались различные европейские влияния, но и существовали постоянные условия для взаимодействия немецкой, итальянской и французской культуры.

После Второй мировой войны в работах компаративистов заметны влияния прагматизма (это особенно сказывается у американских компаративистов, в частности, в теоретических положениях В. Фридериха) и экзистенциализма (у Гюйяра; отчасти в поздних высказываниях Ж. М. Каррэ).

Послевоенная активизация компаративизма в известной мере поддерживается, а иногда и направляется некоторыми организациями ЮНЕСКО, что придает деятельности компаративистов политическое значение⁹. Все более распространяется в работах компаративистов новая политическая фразеология, стремящаяся использовать интерес народов и мировой общественности к лучшему взаимопониманию народов, к укреплению международного культурного сотрудничества. Однако эта фразеология не должна вводить в заблуждение.

Цель моего доклада не позволяет мне подробно останавливаться на явлениях, которые противостоят и противостоят компаративистике в области изучения литературных взаимосвязей. Но необходимо иметь в виду, что развивавшаяся прогрессивная конкретно-историческая наука о литературе не выпускала из поля зрения ни сложнейшую проблему сравнительного исследования литературных явлений, ни вопросов меж-

⁹ Так, например, выпускаемая Юнеско серия работ под общим названием «История человеческой культуры» рассматривает историю развития культурных и литературных связей между народами мира в духе компаративистских трудов XX века. В этих работах мы найдем и отголоски европоцентризма, недостаточное внимание к культурам славянских народов, народов Юго-восточной Европы и Латинской Америки.

дународных литературных отношений. Однако она решала их в совершенно ином духе, чем делали это ученые-компаративисты.

Классики марксизма в своих высказываниях о культуре и литературе не раз подчеркивали необходимость соотнесения того или иного факта из истории культуры данной страны с общим состоянием культурного развития данной эпохи. Классическая характеристика европейской культуры эпохи Возрождения у Ф. Энгельса исчерпывающе глубока именно потому, что в ней есть и обобщающая часть, и группа сравнительных данных, из которых складывается целое во всей его живой сложности. Но, уча постигать явление во всем многообразии его связей с действительностью, классики марксизма прежде всего видели в нем результат исторических условий, сложившихся и действующих в данной стране, как это делает Энгельс, характеризуя немецкую и английскую литературу XVIII века. Опираясь на материалистическое понимание литературного процесса, литературоведы-марксисты еще на рубеже XIX—XX вв. решали проблему сравнительного изучения литератур и литературных взаимосвязей в духе конкретного историзма.

Группа классических работ Меринга о немецкой литературе, начиная с его исследования о Лессинге, построена с учетом соотношения немецкой литературы с другими литературами Западной Европы. Г. В. Плеханов в своих работах по общим вопросам искусства и особенно в статье «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии» обращался к широкому сравнительному материалу, всегда обосновывая свои сравнения конкретно-историческими условиями, в которых складывалось то или иное явление искусства. На конкретно-историческом материале стремилась основываться Р. Люксембург в своих суждениях о международном значении русской литературы. В работах А. В. Луначарского широкий сравнительно-исторический литературный фон всегда был обусловлен материалистическим пониманием причин, вызвавших сходство определенных литературных феноменов или влияние одной литературы на другую.

Высказываниям А. М. Горького о литературе, как и его трудам о ней (например, его лекциям о русской литературе) присуще стремление к такой широкой постановке вопроса, при которой судьба одной литературы обязательно рассматривается в связи с другими литературами данной эпохи. Горький с огромной любовью говорил о вкладе в мировое литературное развитие всех народов мира.

Основываясь на принципах марксистско-ленинской науки о развитии общества, на учении В. И. Ленина о двух культурах и на работах И. В. Сталина о национальном вопросе, о национальной культуре при социализме, советские ученые в своих литературоведческих исследованиях, выясняя специфические черты той или иной литературы, никогда не забывали о том, что она развивалась в сложном взаимодействии с другими литературами и не раз стремились показать это взаимодействие. В советской науке о литературе, начиная с 20-х гг., когда появ-

ляются первые историко-литературные курсы, построенные на марксистско-ленинской основе, складывается стремление показать развитие мировой литературы, выявляя и национальную специфику отдельных литератур и определенные общие черты, присущие той или иной эпохе. При этом советские ученые не игнорировали значение влияния одной литературы на другие.

III.

В 1940—50 гг. (особенно после окончания войны) определились два крупнейших центра компаративизма — в США и во Франции.

В США Вернер Фридерих, швейцарец¹⁰ по происхождению, сотрудник Бальдансперже, тоже тесно связанного с американскими компаративистскими кругами, возглавил работу Института сравнительного изучения литературы при университете Северной Каролины (University of North Carolina Studies in Comparative Literature) и возглавил периодическое издание «Ежегодник сравнительной и всеобщей литературы» (Yearbook of comparative and general literature).

Во Франции ученики и продолжатели Ван Тигема и Бальдансперже — Ж. М. Каррэ, А. Батайон, М. Ф. Гюйяр и др. — развернули широкую и многообразную работу в ряде крупнейших университетских центров и продолжили издание «Обозрения сравнительного литературоведения», придав журналу еще более определенный международный характер.

И в 1920—1930-х годах и теперь под маской сравнительного литературоведения нередко фигурируют антинаучные концепции, используемые, в частности, для пропаганды буржуазного космополитизма — этого испытанного оружия американской империалистической реакции в вопросах национальной и международной политики. Несомненно, например, что именно это заметно в позиции В. Фридериха, ясно высказанной в статье «Наша общая цель» («Ежегодник», № IV, 1955 г.). Призывая к «снятию барьеров национальной ограниченности», которые мешают народам лучше узнать друг друга, Фридерих вместе с тем нервно осуждает тех, кто выступает за необходимость сосуществования в «едином мире» (в данном случае это Венделл Уилки, получивший от Фридериха упрек в «необоснованном оптимизме») — и объявляет от имени своих сторонников: «мы за нашу половину мира» (стр. 58). Под этой «половиной мира» Фридерих понимает «Западный мир», а в компаративизме видит одно из средств борьбы за его «духовное единство». Для этого и нужно Фридериху «ликвидировать барьеры национальной ограниченности» в его «половине мира».

В этом выступлении, в гораздо большей степени политическом, чем в научном, определены и задачи компаративизма в понимании В. Фридериха.

¹⁰ Сам В. Фридерих настойчиво считает родиной компаративизма Швейцарию, второй его отчизной — США. По своей методологии В. Фридерих ближе к немецким филологам-литературоведам 20—30-х годов, но уступает им в общей подготовке.

Если в целом они сводятся к изучению «различных космополитических сношений в области литературы» (стр. 57), то при более точном рассмотрении этих задач выясняется, что именно компаративизм, более чем любая другая область литературоведения, связан с разнообразной «политической и общественной активностью» (стр. 56). Любопытно, что среди задач, которые Фридерих намечает для компаративистских исследований, есть и «политическая интерпретация популярности или непопулярности той или иной нации в литературе ее соседей». В. Фридерих выражается туманно, но общий смысл его позиции ясен.

Видимо, не случайно в другом номере «Ежегодника» А. Пейр в статье «Расцвет компаративизма в США» почему-то считает нужным сообщить о том, что США — «наиболее мощная держава этой планеты» (№ 1); не случайно и то, что IV номер «Ежегодника» начинается антисоветской статьей Г. Струве «Сравнительное литературоведение в СССР», извращающей факты, не пренебрегающей даже личными выпадами против советских ученых.

Но нельзя не заметить некоторого различия как между общим направлением двух крупнейших журналов современного компаративизма — «Ежегодника» и «Обозрения», так и в среде американских и французских ученых-компаративистов. В «Обозрении», например, не печаталось статей, проникнутых такой очевидной, хоть и бессильной ненавистью к марксизму, к советской науке, как названная выше статья Струве. С другой стороны, в «Ежегоднике» нельзя обнаружить ничего подобного серии интересных статей о революции 1848 г. и литературах Европы, опубликованной в 1948 г. в «Обозрении». Среди материалов, публикуемых в «Обозрении», едва ли найдешь рассуждения о том, что одному народу трудно понять культуру другого народа в силу своей особой национальной ограниченности. «Ежегодник», наоборот, помещает высказывания такого рода¹¹.

В «Обозрении» встречаются статьи, трезво оценивающие отдельные моменты в культурной жизни стран народной демократии¹², и статьи антифашистского характера¹³, в «Ежегоднике» таких статей нет. Вообще современный французский компаративизм, пройдя через опыт Второй мировой войны (многие ученые-компаративисты были участниками Сопротивления, как и сам Ж. Каррэ), обнаруживает стремление к углубленному изучению международных культурных связей. Наоборот, если дело заходит о каком-нибудь мероприятии в странах народной демократии, важном с точки зрения общих интересов сравнительного изучения литературы, «Ежегодник» спешит отозваться на это событие во враждебном духе, как сделал он это в 1956 году по поводу празднования

¹¹ См., например, заметку П. Паскаля о русском восприятии Венеции («Ежегодник», № V, стр. 28).

¹² См. отчет Ж. Дреш о праздновании юбилея Г. Гейне в 1958 г. («Обозрение», 1958, № 3) с указанием на широкий массовый характер этого юбилея в ГДР.

¹³ Например, рецензия М. Ж. Каррэ на книгу Ж. Дреш «От французской революции к революции гитлеровской» («Обозрение», 1947, № 1).

юбилея Мицкевича в народной Польше (V, стр. 74—75). Некоторые сотрудники «Обозрения» стремятся занять определенную позицию по отношению к надвигающейся опасности новой мировой войны. Эта позиция особенно ясно определена в юбилейном номере «Обозрения» (1952), подводившем итоги двадцатипятилетнего существования журнала. В поздравлениях, которые были присланы журналу учеными из разных стран, подчеркивалось, что сравнительное литературоведение способствует сближению народов и культур. Английский филолог Ф. Грин прямо связывает с дальнейшим развитием компаративизма свое представление о новом гуманизме и о борьбе против атомной войны.

Конечно, при всем этом нельзя не заметить, что статьи, помещаемые в «Обозрении», нередко содержат в себе прямые выпады против марксизма, которому упорно противопоставляется «французский социализм», более предпочтительный для «Обозрения» в силу отрицания им революционного насилия (имеются в виду различные работы французских социалистов-утопистов XIX в., а иногда даже выступления бабувистов).

Различие между молодым американским компаративизмом и французским обнаруживается в области методологии. Французские ученые постоянно говорят о теоретических проблемах своей науки, пытаются определить ее метод и предмет. Они сходятся на том, что сравнительное литературоведение изучает международные литературные связи во всем их многообразии — начиная от переводов и личных контактов отдельных писателей и кончая попыткой установить общие для многих стран черты литературного процесса (этим, в частности, особенно настойчиво и плодотворно занимался Ван Тигем). Можно было бы сказать, что во французском компаративизме — в лучших его работах — живет наиболее ценная традиция культурно-исторической школы.

Американские компаративисты не проявляют особого интереса к проблемам теории и не поддерживают того общественного пафоса международного сотрудничества в этой области науки, который чувствуется во многих французских работах. Нельзя не согласиться с мнением некоторых французских ученых, считающих, что в американской компаративистике нет по существу резкой грани между сравнительным изучением литературы и просто общей историей литературы — без выделения специфики международных литературных связей и вопроса об их значении для истории литературы. Недаром «Ежегодник» объединяет на своих страницах труды и по сравнительному, и по общему литературоведению, что отражено и в его названии. Особенности в методологии французского и американского компаративизма наших дней уместно раскрыть на разборе некоторых работ, появившихся за последние десять-пятнадцать лет.

Компаративистское литературоведение последних десяти-пятнадцати лет представлено не только огромным количеством статей в периодике, среди которых встречаются и весьма ценные в фактографическом отношении работы. Компаративисты создали немало капитальных трудов, в основе которых лежит множество фактов, добросовестно собран-

ных, свидетельствующих о серьезной исследовательской деятельности. Не считая возможным говорить обо всех этих трудах перечислительно, остановимся более подробно на нескольких книгах, имевших и определенное международное значение и характерных для направления исследовательской мысли компаративистов.

Традиционный жанр ученых-компаративистов, нередко составляющий сильную сторону их исследований, как бы завещанных им одним из признанных родоначальников компаративизма — швейцарским ученым Л. Бецем, это — жанр библиографии. Образцом компаративистской библиографии последних лет, на которую ссылаются все ученые этого направления, является книга Ф. Бальдансперже и В. Фридриха, «Библиография сравнительного литературоведения»¹⁴. Этот объемистый труд, созданный на основании скрупулезной предварительной работы по составлению, обобщению и рубрицированию десятков тысяч карточек, обладает немалыми достоинствами. В нем можно найти сведения о разработке того или иного сюжета в литературах различных времен и народов, об изучении той или иной литературы в международном масштабе, о мировых откликах на творчество того или иного писателя, об эволюции и масштабах великого дела переводчиков — этих неутомимых тружеников, действительно способствующих сближению народов.

Но принципы, по которым построена библиография Бальдансперже и Фридриха, весьма субъективны и мало оправданы, непоследовательны. Огромный материал, собранный в книге, разнесен по рубрикам произвольно, без четкой системы. За нагромождением фактов (среди которых есть множество ценных и новых) не чувствуется обобщающей научной идеи. Необыкновенно полная во многих деталях, книга страдает еще более удивительными пробелами. Поразительно бедна россика, весь славянский раздел, разделы венгерский и румынский. Западноевропейская ограниченность (хотя в книге немало американских материалов) все еще дает себя знать: данные о центральноевропейских и восточноевропейских странах представлены с серьезнейшими лакунами. Кому, например, неизвестна поистине титаническая работа русских переводчиков? В библиографии она почти не отражена. То же можно сказать о переводах на польский, украинский, венгерский, румынский и даже на немецкий язык.

Как бы ни была хаотична библиография Бальдансперже и Фридриха, все же в ней видны очертания некой концепции — к сожалению весьма односторонней. Мировой литературный процесс, проблема мировых литературных связей сведены, за немногим исключением, к проблеме единства романо-германских культур (за исключением Румынии), которые, применительно к культурам славянских народов и народов Востока, представлены чаще всего как активный, влияющий фактор. Конечно, этому немало способствуют и некоторые старые русские работы — прежде всего работы Алексея Веселовского. Однако книга Алексея

¹⁴ F. Baldensperger and W. Friedrich, *Bibliography of comparative literature*. Chapel Hill, Univ. of North Carolina, 1950.

Веселовского появилась много десятков лет назад, и к 1950 г., когда вышел труд Бальдансперже и Фридериха, существовало немало советских работ, да и зарубежных, в которых вопросы международных связей русской литературы освещались совершенно иначе.

Весьма ограничены те разделы библиографии, где должны были бы найти себе место труды Маркса, Энгельса, Лафарга, Меринга, русской революционно-демократической критики (кое-что об этом есть — но как мало!). А работы эмигрантов, бежавших от французской революции 1789 г., писания различных реакционных историков XIX—XX вв. представлены весьма полно. Конечно, при таких манипуляциях невозможно охарактеризовать подлинную историю развития литературных взаимосвязей и взаимовлияний. «Библиография сравнительного литературоведения» — вавилонская башня из карточек на разных языках мира, так и не дающая правильного представления ни об этапах развития международных литературных отношений, ни об истории этой области науки и лишь частично и односторонне освещающая грандиозный процесс непрерывного культурного общения между народами мира¹⁵.

Невольно приходится вспомнить слова акад. Н. И. Конрада, который в своем докладе о сравнительном изучении литературы, сделанном на годовом собрании Отделения литературы и языка АН СССР в марте 1959 г., определил круг основных интересов литературоведов-компаративистов в капиталистических странах как совпадающий с географическими пределами Атлантического пакта. Однако к этому надо добавить, что за последние годы все чаще и чаще делаются попытки на основе этой концепции, повторяем, заведомо односторонней — судить о развитии литератур славянских народов. Естественно, что эти попытки весьма неудачны.

Накопив в предыдущие десятилетия большой материал по изучению отдельных периодов истории литературы, компаратисты в 40—50-х годах перешли к созданию обобщающих работ. К числу таких можно с полным правом отнести книгу П. Ван Тигема «История литературы Европы и Америки от эпохи Возрождения и до наших дней»¹⁶ и книгу В. Фридериха и Д. Мэлона «Основы сравнительного изучения литературы от Данте Алигьери до Юджина О'Нила»¹⁷. Сравнение этих двух работ раскроет специфику метода этих ученых и заметное расхождение между ними в подходе к самому предмету исследования.

В книге Ван Тигема немало пропусков и недостатков. Это относится

¹⁵ В журнале «Обзорное сравнительное литературоведение» (1952, № 2) была помещена обстоятельная и глубокая статья С. Мунтяну, содержащая много верных критических замечаний относительно труда Бальдансперже и Фридериха.

¹⁶ P. Van Tieghem, *Histoire littéraire de l'Europe et de l'Amérique de la Renaissance à nos jours*. Paris, 1946.

¹⁷ W. P. Friederich with the collaboration of D. N. Malone. *Outline of comparative literature from Dante Alighieri to Eugene O'Neill*. Chapel Hill, 1954.

Само определение рамок книги — «От Данте до О'Нила» — при всем уважении к О'Нилу не свидетельствует о наличии у В. Фридериха подлинно научных сравнительных критериев.

прежде всего к славянским литературам, в частности к русской литературе — особенно к литературе советского периода, которая все же представлена в труде Ван Тигема как некая новая и значительная эпоха истории русской литературы¹⁸. Недооценивает Ван Тигем мировую революционную литературу 1920—1930 годов.

Но все же в основе книги лежит довольно четкая периодизация, дающая возможность показать и судьбу литературных направлений в разных странах, и — в какой-то мере — вклад разных литератур в мировой литературный процесс. «Я старался, — пишет в предисловии Ван Тигем, — проследить у разных народов и на разных языках традиции, влияния и моды, движение идей и форм искусства и показать у писателей, которые не знали друг друга, многочисленные и примечательные совпадения, сходные направления в идеях и стиле».

Конечно, мы не согласимся с таким пониманием истории литературы. Но задачу, поставленную перед собою, Ван Тигем выполнил широко.

В труде Фридериха и Мэллона охвачен тот же период и размеры книги почти те же. Но история европейской литературы и литературы США у Фридериха по существу сведена к очеркам, посвященным итальянской литературе эпохи Возрождения, испанской литературе XVII в., французскому классицизму, английской и немецкой литературе XVIII в. При этом, поскольку В. Фридерих не является специалистом ни по одной из этих эпох, все эти главы-очерки не носят оригинального, исследовательского характера — в отличие от книги Ван Тигема, который, особенно в главах, посвященных второй половине XVIII — первой половине XIX века, опирается на свои прежние интересные исследования.

При каждой из глав книги Фридериха и Мэллона есть спасительный раздел под названием «Другие литературы» («Other literatures»): Фридерих полагает, что основные литературные стили — ренессанс, барокко, классицизм и т. п. — выявились с предельной полнотой только в одной литературе, а остальные были всего лишь восприимчивыми ее влияния, превращались на целые века в литературы подражательные и эпигонские. В результате такого насилия над фактами в книге Фридериха возникают странные смещения. Шекспир, например, изъят из литературы английского ренессанса и упомянут вскользь в разделе «Преромантизм», где он соседствует с Ричардсоном, Дефо и Смолеттом; в предыдущих главах места для Шекспира в схеме Фридериха не нашлось, а «мировым» писателем, по мнению ученого, Шекспира «сделали» только английские романтики.

Гете вместе с Шиллером отнесены целиком в главу о романтизме. Литературный процесс последнего столетия изображен как некий хаос. В заключительной главе, посвященной этому столетию (1850—1950-е гг.), фигурируют рядом баллада Теннисона о Крымской войне и романы американских писателей о Второй мировой войне (стр. 362), Л. Толстой и

¹⁸ К сожалению, ученый не удержался от повторения банальных выдумок об «упадке» советской литературы в 1930-х годах и т. п.

А. Дюма (стр. 365) — все потому, что В. Фридерих видит в «войнах, революциях и изгнаниях» (так назван этот раздел — см. стр. 362) комплекс особых черт мировой литературы XIX—XX вв.

Если П. Ван Тигем чувствует ответственность перед историческими фактами, стремится к их сопоставлению и изучению в определенном порядке, хотя бы хронологическом, то В. Фридерих и Д. Мэлон стремятся подчинить факты грубой схеме смены стилей, сводящейся к тому, что за стилем ренессанса (автор не нашел для него другого названия) следует стиль барокко (Фридерих очень огорчен тем, что английские литературоведы противятся введению этого понятия в историю английской литературы — см. стр. 144), за ним — классицизм, а далее — преромантизм, романтизм, реализм и символизм. И так как после «символистов» В. Фридерих почему-то уже ничего более не видит, то литература целого столетия — от 1850-х годов до наших дней — изображена в его книге как хаос имен, понятий, течений и названий. Даты сдвинуты, взаимосвязь литературных направлений разорвана; нет ни картины литературного процесса, ни попытки проследить и объяснить синхронность явлений (что есть у Ван Тигема), ни попытки показать вклад отдельных литератур мира в общую культурную сокровищницу человечества. Зато есть утверждение, гласящее, что «марксистские писатели в странах, контролируемых коммунистами и вне их, по большей части — скорее пропагандисты, чем художники» (стр. 374). В книге Фридериха и Мэлона не упоминаются всемирно известные имена Маяковского и Шолохова; зато не без симпатии говорится о нацистских писателях Блунке, Веспере (стр. 388), о «классике» гитлеровского чтива — Г. Grimme, чья книга «Народ без земли», проникнутая откровенно агрессивными вождениями, тепло упомянута в рассматриваемом труде (стр. 350). Нельзя не заметить, что такое отношение к бардам нацизма накладывает специфическую печать на книгу Фридериха и Мэлона. С другой стороны, нельзя забывать, что гитлеровская оккупационная цензура выбросила из рассмотренной выше книги Ван Тигема страницы, посвященные Г. Гейне, Т. Манну и Г. Манну; так как книга вышла в свет уже после освобождения Франции, Ван Тигем вновь включил в нее изъятые страницы в виде специального приложения, оговорив причины их отсутствия в соответствующих местах его труда.

«Все голоса должны быть услышаны», — заявляет В. Фридерих, декларируя свое уважение ко всем литературам мира, — и это в книге, где ни слова не сказано о Т. Шевченко, об И. Вазове, не существует литератур Латинской Америки.

Книга Фридериха и Мэлона наглядно демонстрирует самые слабые стороны того метода, к которому обратились ее авторы. И так как книга эта в известной мере программная для американского компаративизма (недаром она зовется «Основы»), мы никак не можем согласиться с утверждением французского ученого А. Пейра о «расцвете сравнительного литературоведения в США» («Ежегодник», № 1), о том, что США — «рай для сравнительного литературоведения» (там же): несомненно.

американские университеты расходуют большие средства на исследования, развивающие и поддерживающие линию, намеченную В. Фридрихом и Мэлоном, но в большинстве случаев эти работы — в том числе и программная книга Фридриха — удивительно однообразны и эмпиричны. Они повторяют старые схемы развития и стили, выработанные немецкими учеными еще в 20-х годах нашего века, а то и раньше.

На примере книги В. Фридриха и Д. Мэлона видно, что американские компаративисты не могут дать сколько-нибудь объективный сравнительный анализ литературного процесса. Впрочем, ни Фридрих, ни Ван Тигем не затрагивают проблемы закономерностей, определяющих развитие литературного процесса, и в этом сказывается основная слабость метода сравнительного литературоведения в том его виде, в каком он сейчас существует в капиталистических странах.

Бальдансперже и Ван Тигем были еще живы, а их ученики, прошедшие через горнило мировой войны, уже говорили о новых задачах, встающих перед компаративистикой. Отказываясь от произвольных параллелей между различными литературами, от бесконечного изучения истории различных национальных обработок того или иного традиционного литературного сюжета, французские компаративисты — Ж. М. Каррэ, Гюйяр и другие — за последние годы настойчиво подчеркивают новые задачи, особенно увлекающие их — изучение литературы как фактора, знакомящего народы друг с другом, способствующего возникновению того или иного представления о разных нациях. Здесь, считают французские компаративисты, возникает немало легенд и мифов, ложных представлений — но глубокое познание литературы и сравнение ее с жизнью народа, ее создавшего, будет, с точки зрения этих ученых, способствовать и уничтожению таких мифов, и подлинному сближению народов.

В этой мысли есть немало верного, и выдвигаемый некоторыми французскими компаративистами принцип проверки литературного мифа изучением действительности — тоже принцип верный. Появились и работы, в которых сделана попытка исследования «литературной репутации» того или иного народа, его отражения в других литературах. К числу таких работ относится книга покойного Ж. Каррэ «Французские писатели и немецкий мираж»¹⁹.

В этой книге заметна антифашистская направленность. Автор, участник Сопротивления, потерявший в годы войны нескольких своих учеников, и еще ранее — офицер французской армии времен первой мировой войны, пишет о немецком милитаризме и о нацизме с нескрываемой ненавистью, о французских приспешниках немецкого гитлеризма — с нескрываемым презрением, о коммунистах-патриотах — с уважением, но без достаточного понимания. Критический анализ суждений о Германии, заключающихся в книгах м-ме де Сталь, Кузена, Мишле, Гюго, Ренана, оценка позиции Ж. Ромена перед Второй мировой войной пред-

¹⁹ J. M. Carre, *Les écrivains français et le mirage allemand. 1800—1940*. Paris, 1940.

ставляют в работе Ж. Каррэ большой интерес. Он с основательностью ученого и с талантом журналиста высмеивает литературные характеристики и односторонние впечатления, из которых, по его мнению, складывались французские миражи о Германии. Каррэ с горечью прослеживает историю легенды о Германии — «стране философов и поэтов», которая оказалась затем страной Бисмарка и Круппа. Анализирует он и вторую легенду о Германии — о Германии Веймарской, якобы навеки разоруженной и ослабленной; она вызывала братское сожаление, а через несколько лет превратилась в Германию нацистскую, зажегшую страшный пожар Второй мировой войны. Ж. Каррэ знает о «двух Германиях», но он не очень верит в их подлинное существование. Автор наивно спрашивает — где же была «вторая Германия» в 1914 году? Не видит он «второй Германии» и в годы, предшествовавшие Второй мировой войне, хотя с уважением говорит о немецких эмигрантах-антифашистах, пытавшихся, вопреки официальной французской пропаганде, сказать французам правду о нацистском рейхе. Правда, Каррэ сочувственно цитирует... Ясперса, этого близкого к нацистам философа, который в 1946 г. выступал в Гейдельбергском университете с речью, полной пышных слов о необходимости обратиться к традициям Гете, Лессинга, Канта во имя восстановления доброго имени немцев. Но тут же, заканчивая книгу, Каррэ предостерегает своих читателей от нового миража, от возникновения нового мифа о Германии, который может оказаться не менее опасным, чем прежние. Нельзя не заметить, что эти предостережения, сделанные еще в 1947 г., сейчас звучат как горькое и сбывающееся пророчество.

Однако бросаются в глаза большие, органические недостатки книги. В концепции Каррэ немцы — народ-агрессор, а Франция — их жертва, замороженно глядящая в лукавые змеиные глаза своего зарейнского соседа. В пылу огульного обвинения, выдвинутого против всего немецкого народа, Каррэ готов превознести всех, кто во Франции призывал к уничтожению и покорению Германии. С другой стороны, Каррэ не видит, что и в Германии и во Франции существовали силы, стремившиеся к единению во имя общего блага обоих народов: очень жаль, что Каррэ упустил из виду такой важнейший момент усиления культурных связей двух народов, как период французской революции 1789 г. с ее немцами-якобинцами вроде Форстера (эта фигура известна французским компаративистам, но трактуется ими несколько односторонне). Каррэ упоминает в своей книге о Р. Роллане, но не для того, чтобы внимательно проанализировать его концепцию двух Германий, его мечту о братстве двух народов-соседей. Односторонняя оценка немецкой культуры у Каррэ не случайна. Она намечена и в его рецензии на книгу талантливого страсбургского компаратиста Ж. Дреш «От французской революции к революции гитлеровской», где Каррэ вновь противопоставляет Прудона и Бабефа, в которых он видит «французских социалистов», Марксу и Энгельсу, а Вагнера называет «пионером расизма»²⁰.

²⁰ «Обозрение», 1947, № 7, стр. 153—154.

Но узкое понимание своей задачи, сводившееся к изучению внешних проявлений международных литературных связей, а не к анализу факторов, вызывающих эти связи и в них выражающихся, обрекло попытку Каррэ на неудачу. Он завещал своим читателям книгу, которая не только предостерегает французов от примирения с немецким милитаризмом, от создания нового «немецкого миража» — но и продолжает, к сожалению, традицию тех французских писателей, которые сеяли недоверие к немецкому народу в целом. По существу книга эта не сближает народы, а разъединяет их, настораживает французов против немцев, задевает у немецкого читателя чувство национального достоинства, углубляет трагическую франко-немецкую распрю, игнорируя новые связи между французскими и немецкими патриотами, возникшие в условиях совместной борьбы против нацизма, совместной борьбы за мир. На примере книги Каррэ ясно видно, что националистические заблуждения так же мешают изучению международных литературных отношений, как и космополитизм некоторых авторов «Ежегодника».

Современному обществу нужны такие историко-литературные работы, которые способствовали бы устранению вековых предрассудков, сближали бы народы, знакомили бы их друг с другом, показывали бы ценность взаимного культурного обмена. Такова, например, недавно вышедшая книга чешского ученого А. Гофмана «Томас Манн и Россия»²¹, разносторонне показывающая развитие взглядов Манна на русскую культуру и литературу, отношение Манна к отдельным русским писателям. Это действительно вклад в дело дальнейшего укрепления дружеских связей между чешским, русским и немецким народом — и это, вместе с тем, подлинно научный труд, по-новому ставящий пресловутую и многих компаративистов занимавшую тему связей, возникающих между различными литературами. Но труды вроде книги Каррэ не могут выполнить эту задачу. Практическая общественная деятельность, к которой стремятся французские компаративисты, не приведет к положительным результатам ни в науке, ни в жизни, если она будет осуществляться посредством таких работ. А за книгой Каррэ о «миражах» уже потянулись другие — например, книга Лортолари «Русский мираж во Франции в XVIII веке»²², в которой сделана попытка весьма произвольно «снизить» общий уровень русской культуры этого столетия и небезызвестные иллюзии Вольтера и Дидро изобразить как результат ловкой политики Екатерины II.

За последние годы, наряду с новыми по своей цели исследованиями, вроде названной книги Каррэ, появлялись и традиционные компаративистские работы — как, например, трехтомная монография Ш. Дедеяна «Фауст в европейских литературах»²³. Книга Дедеяна изобилует фактическим материалом, демонстрирующим, насколько широк был интерес

²¹ A. Hofman, *Thomas Mann a Rusko*. Praha, 1959.

²² A. Lortholary, *Le mirage russe en France au XVIII-e siècle*. Paris, 1951.

²³ Ch. Dédeyan, *Le thème de Faust dans la littérature européenne*. Paris, 1954—1956, 3 vols.

европейского общества к теме Фауста в продолжение XVIII и XIX вв. Стремясь показать это, исследователь привлек даже и славянские литературы — Мицкевича, Пушкина. Как всегда у компаративистов, славянская глава оказалась наиболее бледной — и по фактам, и, особенно, по истолкованию их. Дедеян утверждает, что русский поэт не понял гениального замысла Гете и вообще оказался значительно ниже своего великого немецкого собрата. Попутно Дедеян ухитрился вопрос о своеобразии русской интерпретации сюжета Фауста свести к проявлению пассивной меланхолии, якобы типичной для «славянской души», в чем исследователь может сослаться на многие западноевропейские «авторитеты» (столь же «компетентные» в «славянской душе», как и сам Дедеян).

Однако основная слабость книги не в этой досадной и недостойной серьезного исследователя детали, а в общей постановке исследуемой им проблемы. Дедеян так и не говорит о том, почему же именно в XVIII — XIX вв. сюжет «Фауста» приобрел столь широкое распространение и почему он в дальнейшем выпал из поля зрения писателей и поэтов, чтобы затем появиться — в новых формах — в XX в. Не видит Дедеян и того принципиального различия, которое существует между образом Фауста у Гете — и у других интерпретаторов этого сюжета, между трактовкой Мефистофеля в трагедии великого немецкого поэта — и в произведениях других авторов. Конечно, Дедеян в общих чертах фиксирует различия в разработке сюжета, в жанре, в мотивах. Но основное — историческая закономерность возникновения самого грандиозного варианта фаустовской легенды на грани двух эпох и сравнительная ограниченность всех других ее вариантов — более ранних и более поздних — остается за пределами исследовательского интереса Дедеяна, как и факт появления уже в наше время нового блистательного варианта фаустовского сюжета — «Доктора Фаустуса» Г. Манна. Вот почему книга Дедеяна ценна лишь как богатейший источник аннотированной библиографии фаустовской легенды в европейских литературах XVIII—XIX вв., но не как концептуальное исследование.

Близка по своей методологии и кругу тем к проблематике компаративизма и книга Э. Р. Курциуса «Европейская литература и латинское средневековье»²⁴, хотя автор ее и высказывается иногда критически по поводу некоторых компаративистских работ.

Опираясь на реакционные концепции О. Шпенглера и английского историка Э. Дж. Тойнби, Курциус делает попытку определить вклад античной (по существу — только латинской) культуры в развитие европейских литератур, осветить характер связей между античной культурной традицией и традицией европейской, выяснить специфику средневекового восприятия классического наследия.

²⁴ E. R. Curtius, *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. Bern, 1948.

Подробнее см. об этой книге в статье И. Г. Неупкоевой, «Современное буржуазное литературоведение и реакционная социология», «Вопросы литературы», 1958, № 11.

В книге Курциуса собрано немало метких наблюдений над отдельными областями литературного развития, приведено немало новых фактов. Представляют определенный интерес соображения Курциуса о средневековой латинской поэтике, экскурсы в историю эстетических представлений средневековых латинских писателей, в историю интерпретации античной древности. Но основной круг вопросов, которым посвящена книга, сведен по существу только к различным проявлениям влияния латинской античной традиции на литературы европейского Средневековья. Курциус, как и столь многие компаративисты XIX—XX веков, видит во влиянии самостоятельно действующий, имеющий решающее значение фактор литературного развития.

В особенно ясной форме эта основная методологическая позиция автора изложена применительно к такой важной проблеме средневековой литературы, как героический эпос. Так, на стр. 390 Курциус объясняет сравнительно более позднее чем во Франции развитие героического эпоса в Испании исключительно отсутствием в этой стране той мощной латинской литературной традиции, которая была к XI—XII вв. во Франции. «Испанская литература рождается,— утверждает Курциус, произвольно отождествляя эпос с литературой в целом,— на столетие позже французской. Причина ясна: Испании не хватало прищипоривающего влияния духа латинской учености».

На стр. 431 это утверждение перерастает в общий вывод, относящийся к западно-европейскому эпосу в целом: «Народноязычная эпическая поэзия Средневековья.— пишет Курциус,— только продолжает латинский эпос». Понятно, что Курциусу пришлось вступить по этому поводу в полемику с теми учеными, которые видят в средневековом эпосе великое народное искусство, хотя и не отрицают связей, имеющих между ним и латинской эпической традицией. При этом Курциус ополчается против выдающегося современного испанского филолога Р. Менендеса Пидалья, наиболее авторитетного из ныне живущих знатоков романской эпической поэзии, и сочувственно цитирует испанского реакционного литератора Ортегу-и-Гассета, обвинявшего Пидалья в «преувеличении народного начала» (стр. 390).

В силу ограничения темы исследования проблемой влияния, латинская литература Средних веков для Курциуса — только воспринятая традиция, а не живое и развивающееся литературное явление, которым была она на самом деле. Курциус обходит такую важнейшую проблему, как соотношение латинской эпической книжной традиции с новой эпической традицией, связанной с устным творчеством народов Средневековья; он видит только влияние Вергилия на нее. Отмечая всякий намек на это влияние (будучи действительно очень большим и длительным, оно все же нередко преувеличивалось учеными XX века), Курциус не желает заняться вопросом о том, как средневековый поэт, пересказывающий полатыни старое германское или кельтское предание, мучительно пытается соединить несоединимое — поэтику Вергилия и поэтику дружинного эпоса; он не замечает, что система образов и сравнений устного эпоса

рвет при этом слишком нежную для нее ткань латинского гексаметра, слишком сложную для нее систему латинских ученых сравнений, и что, в результате, рождается качественно новое явление — своеобразный латинский эпос Средневековья.

Признавая значение поэзии вагантов, Курциус не пытается рассмотреть ее художественную самобытность, ее сложную образную стихию: и она для него — лишь плод подражательства, книжного восприятия латинских образцов, результат механической подгонки новой тематики (ее, впрочем, Курциус не замечает) к устоявшейся форме. Не случайно, что при таком подходе к латинской литературе Средневековья у Курциуса не нашлось места для сколько-нибудь серьезного рассмотрения такой важной ее особенности, как рифма.

Предвзятый, узкий подход к группе богатых и сложных явлений средневековой литературы, примат «влияния», — приводит к тому, что Курциус не хочет видеть различных судеб латинской традиции в разных странах Европы, различных ее восприятий, определяемых в каждом отдельном случае конкретными условиями данной страны. Ясно, что для стран с романскими языками латинская литературная традиция ощущалась как нечто более близкое, как глубоко ушедшие в прошлое ее родные корни. Иначе воспринимали латинскую традицию в кельтских, скандинавских, славянских странах, незатронутых римским завоеванием. По-иному осваивалась латинская традиция там, где местное романское или кельто-романское население сливалось с германскими завоевателями, как это было в Италии, Испании, Галлии. Это живое многообразие молодых европейских культур раннего Средневековья отразилось в необычайно богатом содержании и весьма разнообразных формах латинской литературы Средних веков. К тому же англосаксонский грамотей IX века или участник «Академии» Карла Первого, вроде Ангильберта, искали в латинской литературе не того, чего искали в ней три века спустя Кретьен де Труа, и не случайно первых в ней больше увлекал Вергилий, а последнего — Овидий.

Конечно, Курциус, знаток средневековой культуры, упоминает и о различии в отношениях к латинской культуре вестготов в Испании (куда они пришли уже после векового общения с римлянами) и франков в Галлии; он говорит о влиянии латинской литературы на куртуазный эпос и о многих других аналогичных фактах. Но все дело в том, что общий ход его исследования подчинен не конкретным историческим фактам, а ряду предвзятых идей, в котором, наряду с упорным выдвиганием примата «влияния», находим и преднамеренную европоцентристскую ограниченность. Автор сам характеризует себя в кратком предисловии к книге как защитника традиций «европейской культуры». От того, как понимает Курциус этот термин, зависит многое в его книге, приобретающей ясно выраженную романо-германскую ориентацию.

Латинская литература Средневековья вписана Курциусом в условный круг явлений, который именуется Курциусом «Европейской культурой». Следуя за Тойнби, Курциус начинает ее историю с культуры

древнегреческой, не замечая, что далее он вынужден, применительно к средневековой литературной традиции, говорить уже не о греческой, а почти исключительно о латинской традиции. Это объясняется тем, что Курциус произвольно исключает из своего понятия «европейской культуры» Византию, хотя она-то и была в течение долгих веков хранительницей античной греческой традиции и приобщила к ней сначала славянские страны, а затем — умирая — и западные. Конечно, и славянские культуры для Курциуса не входят в понятие «европейской культуры». Удивительно, далее, что Курциус, ограничиваясь латинской литературной традицией, так незаслуженно мало говорит в своей книге о сильнейшем влиянии восточной литературной традиции, которая в романо-германских и кельтских странах стала известной как раз через посредство латинских переводов. Вместе с широчайшим распространением в литературах и устном творчестве раннего средневековья библейских сюжетов, образов и даже стилистики восточная традиция активно вошла в общеевропейский обиход и стала необыкновенно важным фактором развития европейской средневековой литературы.

Можно с уверенностью сказать, что ни до, ни после в истории литературы мы не встретим такого длительного, разностороннего, интенсивного сращивания восточной и западной литературной традиции, такого активного и самобытного ее усвоения. Процесс переосмысления художественных богатств Библии (ибо нельзя же здесь говорить только о ее религиозной стороне) шел в Европе повсеместно — от ее самых западных атлантических рубежей и до самых восточных княжеств Руси, столь незаслуженно исключенной Курциусом из его исследования.

Отметим, что Курциус, произвольно сужая понятие «европейской культуры» до понятия «романо-германской» культуры (кельтская культура его занимает очень мало), почел нужным иронически отозваться о концепции П. Ван Тигема, закономерно включившего в свое понятие истории европейской литературы славянские литературы, литературу Венгрии, Румынии и Финляндии. С точки зрения Курциуса стремление оценить вклад этих стран в развитие европейской литературы порождено непониманием самого «феномена» европейской культуры (стр. 273).

Так, на книге Курциуса можно убедиться в несостоятельности компаративистской методологии, примененной к решению комплекса сложных вопросов, в основе которых лежит использование молодыми рождающимися литературами — старой иноязычной литературной традиции. Отметим при этом законченно консервативный характер общих культурно-политических положений, выдвигаемых Курциусом. Вслед за Шпенглером, Тойнби, Ортега-и-Гассетом, которых он высоко ценит, Курциус твердит о том, что культура — создание образованного меньшинства, дело рук духовной и родовой аристократии. Это заметно сближает книгу Курциуса с политическими позициями Фридриха.

Как образец особого и нового жанра компаративистской научной литературы — рассмотрим небольшую книгу М. Ф. Гюйяра «Сравни-

тельное литературоведение»²⁵, изданную в 1951 году в серии «Что я знаю?», выпуски которой имеют характерный подзаголовок: «Актуальные вопросы науки». Издатель книги — «Французская университетская пресса» («*Presse universitaire de France*») — предприятие, которое охотно публикует работы компаративистов. В предисловии к книге Гюйяра Каррэ проводит линию, отмежевывающую старое представление о компаративизме от новых задач, которые, с его точки зрения, встают перед этой областью науки. «Нам уже не нравится задерживаться на сходстве или различиях между Теккереем и Мюссе, Диккенсом и Додэ, — писал Каррэ, — сравнительное изучение литературы не есть сравнение литератур» (стр. 5).

В начале своей книги Гюйяр набрасывает очерк истории компаративизма, начиная ее с книги Познетта «Сравнительное литературоведение»²⁶. Впрочем, трудно согласиться, что этот очерк истории французского компаративизма может заменить подлинную историю компаративной школы. Наиболее важен в книге краткий раздел «Объект и метод». Именно здесь содержится новое определение компаративистики, данное Гюйяром и поддержанное Каррэ, — «сравнительное литературоведение — это история международных литературных отношений» (стр. 7). «Компаративист работает в пограничных зонах, пишет Гюйяр, — языковых или национальных, и следит за обменом темами, идеями, книгами или чувствами между двумя или несколькими литературами. Метод его работы должен приспособляться к разнообразию его исследовательских задач» (стр. 12). Нельзя не заметить, что задачи сравнительного изучения литературы в этой программе необычайно сужены, обеднены; о больших обобщениях историко-литературного или теоретического характера нет речи. Отсутствие интереса к теории характерно для всей книги Гюйяра. Включив в нее целую главу о проблеме влияний, он даже не объясняет своего понимания этого термина.

Поражает ограниченность историко-литературной перспективы Гюйяра и вместе с тем необыкновенная легкость и безапелляционность его суждений. Так, Гюйяр утверждает, что нельзя говорить о хорошей изученности русского влияния в мировой литературе, и называет при этом два случайных источника, опуская десятки работ, которые тут могли бы быть названы. Видимо, это объясняется тем, что Гюйяр склонен принимать во внимание только французские работы. Из брошюры Гюйяра совершенно выпал вопрос о сравнительном изучении литератур Востока — и в их внутренних соотношениях, и в их соотношении с литературами Запада. Мысль об изучении связей между западноевропейскими литературами и литературами славянских стран Европы кажется ему нелепой: «Нельзя не удержаться от улыбки, — наивно пишет Гюйяр, — когда узнаешь, что существуют библиографические работы о «Шекспире в Сербии, о Расине в Болгарии» (стр. 58). Между тем названные Гюйяром темы далеко не лишены интереса для тех, кто изу-

²⁵ M. F. Guillard, *La littérature comparée*. Paris, 1951.

²⁶ H. M. Posnett, *Comparative literature*, London, 1886.

чает мировое значение драматургии Шекспира, неумиряющее художественное наследие французского классицизма. Так, труд Гюйяра, предназначенный для студенческой молодежи, интересующейся сравнительным изучением литературы, содержит в себе все те же пороки западноевропейского компаративизма.

Книга Гюйяра, упрощенно и обедненно рисуя возможности сравнительного изучения литературы, никак не может служить тем руководством для молодежи, которое хотел в ней видеть покойный Каррэ. «Характер движения проверяется на марше, — писал он в своем предисловии, — сейчас самое нужное для нас — это не наступать в рассыпном строю, а дисциплинировать наш марш. Книга М. Ф. Гюйяра осветит нам эту дорогу» (стр. 6). В действительности книга Гюйяра ведет в сторону от дороги подлинной науки, по которой можно успешно продвигаться вперед.

Характерно, что Гюйяр совершенно отказывается от суждений о современной литературе, от сравнительного изучения литературы наших дней. Если судить по его изложению теории компаративизма — Ж. М. Каррэ поддержал тут Гюйяра, — то объектом изучения для литературоведа-компаративиста, собственно «предметом» его деятельности могут быть только литературы прошлого, а не современность, столь нуждающаяся в дальнейшем развитии творческих контактов между писателями всего мира и дающая все более частые примеры таких контактов. Узость научных идей Гюйяра особенно ощущается при сравнении ее со старой книгой Х. Познетта, о которой, как уже говорилось, упоминает Гюйяр. Познетт, в отличие от Гюйяра, видел в сравнительном изучении литератур средство к постижению некоторых общих законов развития мировой литературы. Не отказывался Познетт и от определенной точки зрения на литературу своего времени: он был противником искусства для искусства²⁷, поклонником поэзии Уитмена, в котором ценил великого художника-демократа²⁸. Следует отметить, что Гюйяр совершенно не учитывает опыта существующих ныне в обоих лагерях мира многонациональных литератур, для которых постоянный литературный обмен и межнациональные литературные связи особенно важны (укажем, с одной стороны, на литературы СССР, Китая, с другой — на литературы Канады, Швейцарии). Не принимая во внимание уже существующий опыт развития таких литератур, Гюйяр, естественно (как впрочем и Каррэ²⁹), не видит и больших перспектив, которые открываются перед этой областью науки о литературе в связи с быстрым ростом литератур Африки и Латинской Америки, где факторы литературных воздействий и взаимосвязей проявляются и будут проявляться с особой силой. Изучение литературных взаимосвязей и взаимовлияний как область науки о литературе, исследующая процесс возникновения новых литератур, лежит за пределами тех перспектив, о которых говорят Гюйяр и Каррэ.

²⁷ H. M. Posnett. Op. cit., p. 391.

²⁸ Там же, стр. 388—389.

²⁹ J. M. Carre, Present et avenir de la littérature comparée, Paris, 1953.

IV.

За последние годы особенно резко обнаруживаются коренные пороки компаративизма, связанные с его давними европо-центристскими традициями.

Это, прежде всего, узкий и поверхностный подход к проблеме связей Востока и Запада. Нельзя сказать, что в этой области компаративисты ничего не сделали. Нет, есть некоторые уже традиционные темы, например, арабо-романские литературные отношения, которые разработаны в аспекте фактографическом более или менее полно. Однако это до сих пор отдельные мазки, мелкие «микрорайоны», сиротливо пестреющие на гигантском белом поле неизученных пространств, за которые давно пора взяться науке.

Это, во-вторых, недооценка всего комплекса славянских литератур. Ознакомление с соответствующими разделами французской и американской библиографии — а ведь библиография всегда была гордостью компаративистов — убеждает нас, что в нее попадают лишь отдельные случайные факты, касающиеся изучения литературных взаимосвязей и взаимовлияний в славянских странах. Огульно осуждая изучение этой области в СССР, компаративисты в капиталистических странах не замечают, как много сделано нашей наукой в 40-х и 50-х гг. для истории изучения и проникновения зарубежных литератур в Россию первой половины XIX века, для истории освоения сокровищ мировой литературы русской передовой критикой XIX века. Игнорируют зарубежные компаративисты и ту плодотворную работу по изучению взаимодействия различных литератур, которая ведется у нас на материале литератур народов СССР и славянских зарубежных литератур.

Наряду с этим односторонним, а подчас и дилетантским подходом к проблемам славянских литератур, сказывающимся в трудах компаративистов, нельзя не отметить известных сдвигов в работах специалистов-славистов в той же Франции и США. Среди работ, представленных французскими и американскими учеными на IV Международный съезд славистов, был ряд исследований, представляющих интерес для изучения международных литературных отношений, работ более серьезного уровня, чем те, которые помещаются в «Ежегоднике» или «Обзрении».

Не привлекает внимания компаративистов и особый комплекс вопросов, связанный со спецификой литературных отношений между славянскими и неславянскими странами Юго-восточной Европы, со спецификой балканских литератур, которые дают огромный и весьма поучительный материал для историка литературы, стремящегося понять различные аспекты литературных взаимосвязей и взаимных влияний.

Несостоятельность компаративизма чувствуется и в его трактовке такой обширной и активной области современного литературного процесса, как изучение литературы стран Латинской Америки. Этот огромный яркий мир, глубоко самобытный и, вместе с тем, связанный прочной литературной традицией и с древними литературами западной Европы, и с ее современной литературой, дает неисчерпаемо разнообразный и

важный материал для проведения серьезных историко-литературных исследований, которые помогли бы выявить закономерности развития новых литератур Латинской Америки, выдвинувших в XX веке немало первоклассных талантов. Сложное сочетание португальской, негритянской и индейской традиции в литературе Бразилии, испанской и индейской традиции — в литературах Мексики, Перу, Чили, наличие общих черт в литературах Латинской Америки при все более определяющемся национальном их своеобразии — все это зовет к исследованию, обещает дать интереснейшие и поучительные результаты.

Компаративисты не пытаются вникнуть в процесс рождения новых литератур в странах Африки и на атлантических островах с негритянским населением. А ведь в силу того, что эти новые литературы пользуются романо-германскими языками, проблема литературной традиции (в данном случае афро-европейской) — возникает здесь в новом и еще совершенно неизученном аспекте.

Наконец, нельзя не вернуться к тому общему недостатку компаративистских исследований, о котором уже говорилось выше. Это — отсутствие исследовательского интереса к актуальным вопросам современного литературного развития, к текущему моменту мирового литературного процесса. Говоря о необходимости изучать современность и строить свои исследования с учетом их полезности для современного литературного развития, для ближайшего будущего, черты которого уже видны и сегодня, я не имею в виду тот аспект узко политических задач, который так привлекает В. Фридериха и его соратников, призывающих к «консолидации сил» Западного мира. Это, конечно, очень современно, но эта задача выходит далеко за пределы науки о литературе (и увлекает в первую очередь не литературоведов).

Нет, речь идет об изучении изменяющегося, нового характера литературных международных связей современности, о растущей роли литературы в международной общественной жизни. Прав И. И. Анисимов, когда он утверждает, что, хотя закономерности литературного развития в странах социалистического лагеря и лагеря капиталистического — различны, «существует закономерность, которая охватывает обе отдельные области литературного развития. Эта закономерность имеет огромное значение, поскольку в ней уже заключена возможность перехода к литературе тех времен, когда существующая разделенность мира отойдет в прошлое и социализм победит во всем мире»³⁰.

Под влиянием этой закономерности развивается в современной литературе все новое и ценное, все человеческое и подлинно талантливое, включая и тех художников, которые не считают себя сторонниками социализма, но создают произведения, правдивость которых объективно служит великому делу исторического движения вперед и отражает это движение. Историк литературы наших дней должен, вооружившись опы-

³⁰ И. И. Анисимов, Всемирная литература и социалистическая революция. «Знамя», 1959, № 8, стр. 201.

том исторического изучения литературного процесса, понять и истолковать эти современные явления, сказывающиеся в творчестве крупнейших реалистов XX века, в рождении новых литератур, в возникновении новых типов писателя и поэта, сложившихся в условиях XX века. Необходимые для постановки этих вопросов материалы можно собрать только при изучении целого ряда литератур. К тем важным обобщениям, которые могут и должны быть сделаны уже сегодня, мы придем только в результате комплексного изучения различных групп литератур, взаимодействие между которыми в наши дни становится все более активным, обгоняет внимание науки, особенно в тех случаях, когда она, прикрываясь громкими лозунгами «снятия национальных барьеров», призывает не к дружному научному сотрудничеству, а к изоляции духовных сил «своей половины мира».

Названные выше группы вопросов, которые ставит перед нашей наукой современность, далеко не полно охватывают огромный круг задач, к которому надлежит обратиться ученым для выяснения закономерностей, лежащих в основе развития литературы XX века, для выяснения их связей между собой и с литературами других времен, что важно для понимания их современного состояния. Хотя зарубежная компаративистика располагает сейчас большой периодикой, хотя в университетах США, Франции и других стран компаративистская проблематика увлекает все большие круги молодежи, все-таки она остается, за редкими исключениями, в пределах того историко-литературного горизонта, который был тридцать лет тому назад у первых номеров «Обозрения». Застой, топтание на месте, разочарование после первых послевоенных лет, когда, казалось, перед компаративизмом откроются какие-то новые перспективы (об этом в середине 40-х гг. писали немало), начинают ощущать все острее и некоторые компаративисты. В 50-х гг. все чаще говорят о «кризисе компаративизма», и этот термин симптоматичен. Если мы и не можем принять его всерьез, так как он предполагает в недавнем прошлом наличие какого-то особенно яркого и эффективного периода в развитии этой области науки — а такого периода еще не было, — то, во всяком случае, мы не можем пройти мимо этих разговоров о «кризисе компаративизма».

О нем прямо и не без горечи упоминал и Гюйяр, о книге которого речь шла выше, и Ж. М. Каррэ в предисловии к ней. В 1952 г. о том же писал — в менее серьезном духе, что отвечает в целом характеру его работ — певец «американского рая для компаративистов» А. Пейр. «Наиболее важная задача, стоящая перед компаративистом наших дней — утверждал Пейр — заключается в обновлении и расширении методов компаративистики...»³¹. Последующие годы показали, что большинство компаративистов в капиталистических странах искали этого «обновления» и «расширения» в двух направлениях. Некоторые французские компаративисты пытались найти их за счет усиленного изучения лите-

³¹ «Ежегодник», № 1, стр. 7.

ратурных связей между различными народами. Некоторые американские компаративисты — и среди них прежде всего В. Фридерих — в 1955 году в том же «Ежегоднике», в котором Пейр призывал к «обновлению» и «расширению» методологии компаративистики, «обновили» и «расширили» ее в духе «политических и общественных задач», сводящихся к пресловутой «защите западной цивилизации». Однако в обоих случаях — и для французских компаративистов, и для американских ученых — характерен отказ от работ обобщающего характера, от постановки таких вопросов, которые ввели бы ученых в сферу изучения основных закономерностей литературного развития. Фридерих, верный своей полувоеванной терминологии, даже называет эту область «чужой территорией», на которую он боится вторгаться. О кризисе современного компаративизма прямо заявил известный ученый-компаративист Р. Веллек в статье «Кризис сравнительного литературоведения», напечатанной весной 1959 года в западногерманском журнале «*Wirkendes Wort*».

Эта ситуация — проявление того кризисного состояния, в котором находится с давних пор буржуазное литературоведение в целом. Возможно, что в данной области такое кризисное состояние обнаружилось тем сильнее, что после второй мировой войны она привлекала особое внимание ученых и учащейся молодежи.

Несостоятельность методологии компаративизма, его стремление уйти от постановки и решения основных теоретических вопросов ясно обозначилось на съездах Международного общества литературоведов-компаративистов в 1955 и 1958 гг. Ознакомление с программой их работы убеждает в том, что оба съезда уклонялись от постановки основных методологических проблем, были перегружены либо информационными материалами, как в 1955 г., либо эмпирикой частных вопросов.

Но жизнь народов в XX веке, их воля к миру, их растущий интерес друг к другу, их стремление расширить и углубить свое представление о мировой культуре и содействовать общими силами ее движению вперед властно требуют дальнейшего усиления международных контактов в сфере культуры и искусства, требуют решительного поворота в деле изучения взаимовлияния и взаимодействия литератур мира. Эту задачу может и должна разрешить прогрессивная наука наших дней, вооруженная конкретно-историческим подходом к литературному процессу, рассматривающая его во всей его сложности и учитывающая все факторы, важные для его развития — в том числе и факторы, определяемые международными литературными отношениями. В том, что современные прогрессивные ученые смогут справиться с возникающими перед этой областью литературоведения новыми задачами, нас убеждают некоторые результаты IV Международного съезда славистов, состоявшегося в сентябре 1958 года в Москве.

Как уже было сказано выше, круг вопросов, связанный с комплексным изучением различных литератур (включая проблематику международных литературных отношений), был представлен на съезде весьма разнообразно и богато. Можно смело сказать, что в ряде случаев уча-

стники съезда продемонстрировали новый подход к изучению этих вопросов истории литературы, успешно применяя общие принципы марксистско-ленинской методологии.

Проблема взаимосвязей и взаимовлияний в славянских литературах на IV Международном съезде славистов привлекала своими широкими масштабами. В докладах — члена-корреспондента В. М. Жирмунского (СССР) «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса», П. Г. Богатырева (СССР) «Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов», Й. Горака (Чехословакия) «Национальные исходные черты в фольклоре славянских народов: общий фон и взаимные влияния» были намечены новые перспективы изучения народного творчества, в свете которых расширяется наше представление о генезисе эпической поэзии у славян и активной роли международных связей в ее дальнейшем развитии. И далее, проходя через целую серию докладов и сообщений съезда, тема литературных взаимоотношений между народами была показана в своем значении, начиная от средних веков (например, доклад Н. А. Мещерского «Значение древнеславянских переводных памятников для реконструкции греческих архетипов») и до наших дней (например, доклад болгарского ученого П. Зарева «Проблема генезиса и национального своеобразия социалистического реализма в болгарской литературе в сравнении с советской литературой»). Судьбы различных литературных направлений — сентиментализма, романтизма, критического реализма — предстали в этой серии докладов в новом свете именно потому, что эти направления были рассмотрены на широком фоне нескольких славянских литератур, что помогало показать и специфику данного направления в каждой из них, и его место в общем развитии славянских литератур. В этом смысле особенно богатый и интересный материал дали доклады С. В. Никольского, А. Н. Соколова и Б. Ф. Стахеева (СССР) «Некоторые особенности романтизма в славянских литературах».

Наряду с широким подходом к решению важных проблем историко-литературного развития, характерным для этой группы исследований, важно отметить разнообразие исследовательских аспектов, в которых рассматривались вопросы литературного взаимодействия и взаимосвязей.

Конкретно-историческому изучению сходных и близких литературных явлений в славянских литературах были посвящены работы П. Динскова (Болгария) «Развитие романтизма и болгарской литературы до Освобождения в связи с романтизмом в других славянских литературах», Р. Паролека (Чехословакия) «Революционно-демократические тенденции в славянских литературах второй половины XIX века (на материале русской и чешской литературы)».

Из докладов, посвященных собственно влиянию как специфической форме международных литературных отношений, отметим доклад М. Новикова (Румыния) «Влияние советской литературы на становление социалистического реализма в румынской литературе». интересный общей методологической постановкой вопроса. Новиков рассматривает

влияние советской литературы прежде всего исходя из особенностей развития и запросов литературы румынской.

Некоторые важные моменты из истории литературных связей между различными славянскими и неславянскими литературами были показаны в докладах И. Голенищева-Кутузова (СССР) «Итальянское Возрождение и славянские литературы», А. Мраза (Чехословакия) «Роль межславянских литературных связей словацкой литературы XIX века». Демонстрируя сложность и разнообразие тех культурных связей, которые существуют между различными литературами, докладчики стремились раскрыть национальную специфику отбора и восприятия явлений, усваиваемых из иностранных литератур. Большой интерес представляет коллективная работа польских ученых С. Фишмана, М. Якубца, З. Баранского, И. Леванского «О польско-русских литературных связях», как и работа Г. Д. Вервеса «Основные проблемы украинско-польских литературных взаимоотношений в XIX веке». В докладе академика А. И. Белецкого «Украинская литература среди других славянских литератур» был сделан опыт сравнительного исследования группы литератур для выяснения специфики одной из них и ее вклада в общее развитие этой группы литератур. Весьма серьезные результаты дали исследования, произведенные в области сравнительного изучения славянского стиха — назовем среди них «Типы славянского стиха в связи с просодическими различиями славянских языков» К. Горалеска (Чехословакия) и «Межславянские влияния в области стихотворных форм» А. Исаченко (Чехословакия).

Не имея возможности задерживаться более обстоятельно на анализе этих и близких к ним по тематике работ участников съезда отметим, что заметный сдвиг в изучении и решении проблем литературных связей и взаимовлияний был достигнут прежде всего в общем ходе развития марксистско-ленинской науки о литературе и, в частности, в борьбе против ошибочных положений компаративистики.

И наоборот, доклады, написанные в духе компаративистской методологии наших дней и тоже фигурировавшие на съезде, были далеки от научного подхода к поставленным в них вопросам. Участники съезда резко и заслуженно критиковали выступления Х. Г. Схохта (Голландия) «Одинокость подполья (Тургенев, Достоевский, Чехов, Дюамель, Сартр, Камю)», усматривавшего идейное и тематическое родство между великими писателями-гуманистами XIX века и позицией некоторых французских писателей нашего времени, отравленных пессимизмом и скепсисом. В равной мере абсурдным оказалось сравнение Достоевского и Мальро, проведенное американским ученым Р. Мэтьюсоном («Достоевский и Мальро»), пытавшимся сблизить мучительные душевные колебания русского писателя и беспринципную позицию французского романиста, переметнувшегося из антифашистского лагеря в ряды защитников реакции. Эти доклады производили впечатление дилетантских, глубоко субъективных этюдов на случайные и мелкие темы, что особенно бросалось в глаза при сравнении с большими теоретическими и истори-

ко-литературными вопросами, которые стояли в центре внимания ученых из стран народной демократии. В этом смысле опыт работы IV Международного съезда славистов должен быть оценен по справедливости как первый большой смотр достижений передовой науки нашего времени, сказавшихся также и в области изучения литературных взаимосвязей. Доклады, посвященные этому кругу проблем, помогли выяснить некоторые общие закономерности литературного развития (особенно проблему генезиса социалистического реализма), дать ценные новые материалы и о национальной специфике отдельных славянских литератур, и об их вкладе в мировую культуру.

Анализ современного состояния сравнительного литературоведения в капиталистических странах приводит нас к следующим выводам:

1. Существует несколько современных школ сравнительного изучения литературы (французская, североамериканская, английская, японская, западногерманская, итальянская), из которых наиболее активными являются в настоящее время североамериканская и французская.

2. Однако между этими школами нет единства в вопросах методологии и даже в определении предмета и целей их исследования. На современном этапе американские компаративисты нередко по существу сбиваются попросту на «параллельное изучение» явлений мировой литературы, а некоторые французские ученые сводят задачи сравнительного литературоведения только к исследованию «международных литературных отношений». В среде ученых-компаративистов есть и важные идеологические различия. Некоторые ученые в США занимают по отношению к империалистической реакции в разных ее проявлениях позицию компромиссную и даже принимают участие в «холодной войне». Другие ученые выступают против разжигания военного психоза, видя в сравнительном изучении литератур средство к достижению лучшего взаимопонимания народов. Это отражается в их научных трудах, в их концепциях. Борясь против реакционных течений в современном компаративизме, мы не можем пройти мимо работ тех его представителей, в которых объективно отражается общая историческая тенденция движения народных масс, борющихся за мир.

3. За многие десятки лет своего развития сравнительное изучение литературы в капиталистических странах дало ряд работ, содержащих ценные фактические данные. Таковыми можно признать библиографические работы компаративистов (Беца, Текста, Бальдансперже, Ван Тигема), большие монографии, посвященные изучению международных судеб творческого наследия отдельных писателей (например, книги Бальдансперже о Гете во Франции, Ж. М. Каррэ о Гете в Англии и др.)³² или отдельным литературным направлениям («Преромантизм» Ван Тигема), личным контактам между писателями разных народов.

Однако в определении предмета и метода исследования, в определении места сравнительного изучения литератур в общем исследовании

³² F. Baldensperger, *Goethe en France*. Paris, 1920, J. M. Carré, *Goethe en Angleterre*. Paris, 1920.

литературного процесса, в определении значения международных литературных связей для развития литературного процесса — раскрывается идеалистическая сущность основных методологических предпосылок компаративизма, изучающего вопрос о литературных связях в отрыве от социальных и исторических причин, обуславливающих эти связи и определяющих их развитие. Возведение литературных влияний в некий примат литературного процесса делает невозможным правильное понимание самой сущности и значения литературных связей. За последние годы усилился и обострился кризис компаративистской методологии, признаваемый теперь самими компаративистами.

4. Советские исследователи, разрабатывая марксистско-ленинскую науку о литературе, в том числе и проблематику международных литературных взаимосвязей и взаимовлияний, признают ценность фактических данных, имеющих в зарубежных компаративистских работах. Однако в решении основных историко-литературных вопросов, а в том числе и в решении вопроса о роли и значении международных связей в литературном процессе — советские ученые в принципе расходятся с представителями современного компаративизма. Это, однако, не исключает возможности научных дискуссий по ряду историко-литературных и теоретико-литературных проблем.

5. Ведя исследования в этой области, противопоставляя работам зарубежных компаративистов свои труды, советские ученые смогут эффективно укрепить свою точку зрения на развитие литературного процесса, основными факторами которого являются конкретно-исторические условия, действующие в данной стране или в ряде стран в данную эпоху и определяющие наличие тех или иных международных связей или сходных и связанных друг с другом литературных явлений. Подвергая основательной научной критике ошибочную систему идей, в которую входит и представление о влиянии как о самодовлеющем первичном факторе литературного развития, и — особенно в наши дни — представление о мировой литературе как о литературе, в которой стираются черты национального своеобразия различных литератур, советские ученые помогут своим зарубежным коллегам, многие из которых уже сейчас ищут выхода из тупика компаративизма и выражают несогласие с теми, кто использует компаративизм в интересах империалистической реакции.

6. Появление ряда работ ученых прогрессивного лагеря, посвященных проблемам международных литературных отношений и сравнительному изучению литератур, говорит о серьезном сдвиге в этой области, который происходит в наши дни в науке социалистических стран. Основываясь на общих принципах марксистско-ленинского литературоведения, советские ученые и их коллеги из других социалистических стран наметили и разрабатывают новые методы исследования международных литературных связей во всей их живой и изменяющейся сложности. Эти вопросы, относящиеся не только к истории литературы, имеют остро актуальное значение и для развития современного литературного процесса.